

БИОГРАФИКА

Литературный факт.
2024. № 4 (34)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (34), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-77-92>
<https://elibrary.ru/AQXZCO>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Диалогия Пушкина: «Стансы» (1826) и «Во глубине сибирских руд...» (1826<?>)¹

© 2024, М.Г. Альтшуллер
Питтсбургский университет,
Питтсбург, США

Аннотация: В настоящей статье высказывается предположение, что стихотворение «Во глубине сибирских руд» было написано одновременно или почти одновременно со «Стансами», в декабре 1826 г. Оба лирических произведения появились в результате продолжительного разговора А.С. Пушкина с царем 8 сентября 1826 г. Автором последовательно приводится ряд источников (воспоминания княгини М.Н. Волконской и И.И. Пущина, материалы П.И. Баргенева и др.), на основе которых можно сделать предположения о датировке стихотворений. Основная мысль стихов «Во глубине ...», по мнению автора, — твердая надежда не только на освобождение декабристов, но и на возвращение им гражданских прав и привлечение их к общественной и государственной деятельности. Эта мысль не была понята и принята большинством декабристов. Стихотворение А.И. Одоевского, написанное в ответ Пушкину, представляет собой последовательную полемику с его стихами. Рассматривая функционирование лексемы *меч* и ее смысловую реализацию в лирических произведениях поэтов, автор наглядно демонстрирует разницу их взглядов на будущее России. Если для Пушкина меч — это символ дворянской чести, то для Одоевского — разящее оружие, способное привести народ к царству свободы. После публикации «Послания в Сибирь» развернулась целая дискуссия о политическом содержании текста. Одни исследователи придерживались точки зрения, особенно популярной в советское время, согласно которой стихотворение Пушкина имеет революционную направленность. Другие придерживались менее радикальной позиции и полагали, что поэт говорит об освобождении товарищей и восстановлении их в правах.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, А.И. Одоевский, «Стансы», «Во глубине сибирских руд...», датировка.

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Н.А. Тархову, прочитавшую рукопись, за ценные и полезные советы.

Информация об авторе: Марк Григорьевич Альтшуллер — кандидат филологических наук, почетный профессор, Питтсбургский университет, 4200 Fifth Ave., Pittsburgh, PA 15260, США.

E-mail: altshul@pitt.edu

Для цитирования: *Альтшуллер М.Г.* Диалогия Пушкина: «Стансы» (1826) и «Во глубине сибирских руд...» (1826<?>) // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 77–92. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-77-92>

8 сентября 1826 г. состоялся долгий (час или два) и судьбоносный разговор только что коронованного императора Николая I и привезенного из Михайловской ссылки Александра Пушкина². Творческим результатом этой встречи стали два стихотворения поэта, названия которых вынесены в заглавие этой заметки.

«Стансы» были написаны 22 декабря 1826 г., через два с половиной месяца после разговора с царем. Это небольшое, очень емкое по мыслям стихотворение подводит некоторый итог (слишком оптимистичный) размышлениям, появившимся у Пушкина после многозначительной беседы с самодержцем.

В «Стансах» — две основные темы. Первая — государственная деятельность только что вступившего на трон императора. Для этого Пушкин апологетически изображает Петра I, предлагая Николаю «Во всем быть пращурю подобен»³ [10, т. 3, кн. 1, с. 40]. Этот пращур: «сеял просвещение», знал «родной земли предназначенье», «на троне вечный был работник». Вторая тема, неразрывно связанная с первой, — только что прошедшее, потрясшее всю думающую Россию восстание декабристов. О нем говорят уже первые строки: «Начало славных дней Петра⁴ / Мрачили мятежи и казни» [10, т. 3, кн. 1, с. 40]. А во второй строфе о Петре говорится (а на самом деле обращено к Николаю):

И был от буйного стрельца

Пред ним отличен Долгорукий [10, т. 3, кн. 1, с. 40].

² Лучшим и наиболее тщательным и подробным анализом этого разговора являются работы Н.Я. Эйдельмана. См.: *Эйдельман Н.Я.* Секретная аудиенция // Новый мир, 1985. № 12. С. 190–217. См. подробнее в: *Пушкин А.С.* Из биографии и творчества. 1826–1837. М.: Худож. лит. 1987. С. 9–174.

³ Ю.М. Лотман предположил, что именно Пушкин подсказал Николаю I эту важнейшую идеологему его царствования, что давало возможность противопоставить действия нового самодержца ошибкам и неудачам предшественника. См.: Несколько добавочных замечаний к вопросу о разговоре Пушкина с Николаем 18 сентября 1826 года [7, с. 366–368].

⁴ Очевидно, что также и Николая I. — *М.А.*

Стрелецкий бунт, жестоко подавленный Петром (он собственноручно рубил стрельцам головы), символизировал для Пушкина злобную народную стихию, враждебную любой власти, любому прогрессу, любым реформам. Позднее эта идея отождествится в знаменитую максиму его персонажа Петра Гринёва о бунте «бесмысленном и беспощадном».

Этой злобной стихии противостоит разумная твердость в отношениях с властью. Образцом таких отношений царя и подданного являлся Яков Долгоруков — один из самых преданных, неподкупных и верных помощников Петра. Он дерзко выступал против неукротимого в своем гневе государя, когда не соглашался с его деяниями. Особенно знаменитым был полуполюгендарный рассказ, как Долгоруков разорвал царский указ, а Петр, признав правоту строптивого подданного, обнял и расцеловал его⁵.

Пушкин в цитированных строках предложил царю различать в деятельности революционеров два аспекта: достаточно бессмысленный бунт на Сенатской площади и реформаторские стремления умных и образованных декабристов⁶.

Можно думать, что, делясь с Николаем I таким пониманием декабристского движения, Пушкин в первую очередь опирался на темы, поднятые во время долгого разговора с царем. Николай лично допрашивал декабристов, слушал их рассуждения о необходимых в России переменах, читал их показания и относился к их мнениям достаточно серьезно. Об этом свидетельствует его распоряжение «передать А.Д. Боровкову мнения, высказанные декабристами по поводу внутреннего состояния государства в царствование императора Александра, с тем, чтобы составить из них особую записку» [14, с. 31]. Боровков «составил свод мнений в систематическом порядке» [14, с. 31]. По его словам, «мысли даже в способе изложения оставил я по возможности без перемены. Свод главнейше извлечен из ответов Батенькова, Штейнгеля, Александра Бестужева, и Перевца» [14, с. 31]. Николай внимательно читал эту записку. «Государь часто просматривает ваш любопытный свод, — говорил граф Кочубей Боровкову, — и черпает из него много дельного...» [14, с. 31].

Стихи Пушкина, таким образом, предлагали царю ограничиться уже свершившейся казнью, практически беспрецедентной для

⁵ Позднее Пушкин подробно пересказал эту историю в Table-Talk. См.: [10, т. 12, с. 162–163]. Здесь и далее все ссылки на сочинения Пушкина в тексте по изданию: [10].

⁶ Ср. оксюморонное название содержательной книги Якова Гордина о декабристах: [4].

тогдашней России⁷, и обратиться к талантам, уму, знаниям своих противников. Не просто помиловать их, а воспользоваться их сотрудничеством для задуманных реформ. Принимая ужас совершившегося и даже, возможно, понимая его необходимость («повешенные повешены, — писал он Вяземскому 14 августа 1826, — но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» [10, т. 13, с. 291]), Пушкин всей душой стремился не только облегчить участь каторжников, но вернуть умных и талантливых друзей и братьев к активной и столь нужной России общественной жизни. Тем самым он предлагал царю различать в деятельности декабристов «стрелецкий бунт», спровоцированный неожиданной обстановкой междуцарствия, и «долгоруковское» начало в деятельности тех же самых людей, которые до этого бунта издавна плодотворно и успешно размышляли о наилучшем государственном устройстве⁸.

И, наконец, в заключительной строфе поэт выражает достаточно твердую надежду на освобождение «друзей, братьев, товарищей». Эти строки прямо обращены к нынешнему царю — недавнему собеседнику. Поэт не сомневается в его «сходстве» со славным предком:

Семейным сходством будь же горд,
Во всем будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен⁹ [10, т. 3, кн. 1, с. 40].

Именно эта строфа потребовала дополнительной проработки. В белой рукописи Пушкин написал: «<будь> Как он, решителен и тверд» [10, т. 3, кн. 1, с. 584], — очевидно вспоминая и восстание, и суровый приговор. Поэт, кажется, готов, как мы говорили, не то чтобы принять, но примириться с жестокой казнью. По словам самого Николая, Пушкин даже «наговорил мне пропасть компли-

⁷ Со времени царствования Екатерины Петровны, дочери Петра I, и вплоть до XIX в. смертная казнь в России применялась сравнительно редко. В период правления Николая I, как отмечают историки, было казнено не больше 40 человек, хотя следует иметь в виду случаи, когда государство могло не афишировать применение смертной казни (См.: *Шелкопляс Н.А.* Смертная казнь в России: история становления и развития (IX – середина XIX в.). Минск: Амалфея, 2000. 111 с.).

⁸ Еще 10 июня 1826 г. Пушкин писал Вяземскому: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда, но я был в связи со всеми и в переписке со многими из заговорщиков» (цит. по: [10, т. 13, с. 286]). Конечно, Пушкин понимал, что письмо почти наверняка будет прочитано чужими глазами, но о бунте и революции он писал вполне искренно, так же, как и об интеллектуальных связях с декабристами.

⁹ Здесь и далее курсив мой. — *М.А.*

ментов насчет 14 декабря»¹⁰ [15, с. 171]. Однако теперь поэт просит о смягчении наказания для своих товарищей.

Строка после «будь решителен и тверд» начиналась с противительного союза: «Но памятью, как он (Петр 1. — М.А.), незлобен» [10, т. 3, кн. 1, с. 584]. В окончательном тексте непреклонность смягчается: вместо жестокой *решимости* появляется более мягкая и более необходимая царственному труженику *неутомимость*. Теперь противительный союз «но», в котором выражалась несовместимость жестокости и милосердия, стало возможно заменить соединительным «и»: будь и неутомим, и тверд, и в то же время добр. Так появилась важнейшая для Пушкина строфа с просьбой о пощаде и милости «друзьям, братьям, товарищам».

После откровенной беседы и объявленных царских милостей Пушкин находился в состоянии некоторой эйфории. Можно полагать, что он был уверен в исполнении своей просьбы и, кажется, практически сразу же обратился к узникам с оптимистическими надеждами на скорое освобождение. «Стансы» датируются 22 декабря 1826 г. [10, т. 3, кн. 1, с. 584].

Споры о датировке «Во глубине сибирских руд» продолжаются и по сию пору. Разночтения связываются со временем получения пушкинских стихов декабристами. Можно предположить, что они были написаны незадолго до того, как попали в руки сосланным в Сибирь декабристам. Однако, как мы считаем, эти крамольные (не по содержанию, а по стилю, по личной глубокой симпатии к «государственному преступникам») стихи могли попасть к адресатам значительно позже. Для нашей темы важно, что это очень личное, оптимистичное и трогательное послание, по нашему предположению, было создано одновременно со «Стансами».

Скажем несколько слов, по возможности коротко, об этой проблеме. 26 декабря 1826 г.¹¹ у Зинаиды Волконской состоялся прощальный вечер в честь М.Н. Волконской, уезжавшей к мужу в Сибирь. Сама княгиня о встрече с Пушкиным в этот вечер рассказывает так: «...во время добровольного изгнания нас, жен, сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне свое “Послание к узникам” для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александре Муравьевой» [1, т. 2, с. 215]. Конечно, в написанных спустя много лет воспоминаниях невозможно воспроизвести в точности детали разговора.

¹⁰ Впрочем, истинная принадлежность этой фразы (из записок Корфа) самому Николаю достаточно сомнительна.

¹¹ См.: [5, с. 218–219].

Но все же, если «Во глубине...» к этому времени было написано (а так оно, по всей вероятности, и было), возникает вопрос, почему Пушкин, собираясь на встречу с Марией Волконской, не привез его с собой, а только «хотел» (если стихи не были закончены, он бы, наверное, сказал об этом).

Спустя почти неделю, 1 или 2 января 1827 г., Пушкин встретился с Александрой Муравьевой накануне ее отъезда к мужу в Сибирь [5, т. 2, с. 222–223] и передал ей (вероятно, через кого-то) стихи для И.И. Пущина¹². В своих мемуарах декабрист писал: «В самый день моего приезда в Читку призывает меня к частоколу А.Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на котором *неизвестною рукой* написано было <...>¹³ Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого пред самым отъездом из Петербурга...» [11, с. 74].

Стихи Пущину были достаточно благонадежны в политическом отношении. В них говорилось только о любви к близкому другу. И все же Пушкин не сам записал их, а через кого-то передал Муравьевой. Тем более он должен был опасаться распространения стихов, в которых выражались если не политические симпатии, то явная любовь и сочувствие к государственным преступникам. Не говоря уже о Третьем отделении, сам царь мог воспринять их и как нарушение договора о сотрудничестве между ним и поэтом, скрепленное даже рукопожатием¹⁴.

А.Ю. Чернов в своей противоречивой книге, где интересные наблюдения и справедливые выводы перемешаны с вымыслами и воображаемыми ситуациями, в главе «Послание из Сибири» тоже считает, что «Во глубине...» написано одновременно со «Стансами». Он отмечает: «...личное послание Пушкина лично и передано адресату. Это так же естественно, как то, что “Послание узникам” Александра Григорьевна Муравьева почти за год до перевода Пущина в Читку должна была отдать своему мужу Никите

¹² Стихи были написаны 13 декабря 1826 г. во Пскове у сестры Пущина. Автограф (не сохранился) был обнаружен в 1842 г. См.: [5, с. 212–213].

¹³ Далее следовал текст стихотворения «Мой первый друг, мой друг бесценный!» без подписи с датой: Псков, 13 декабря 1826 г.

¹⁴ Много позже (в 1848) Николай I вспоминал об этом договоре в очень недоброжелательном контексте: «Что бы вы сделали, если б 14 декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим. — Был бы в рядах мятежников, — отвечал он, — Когда потом я его спрашивал, переменялся ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пушу его на волю, он очень долго колебался и только после длинного молчания протянул мне руку с обещанием — сделаться другим» (цит. по: [15, с. 171]).

Михайловичу»¹⁵ [13, с. 62]. Предположение вполне справедливое, если Александра Григорьевна действительно привезла в Сибирь послание Пушкина. Тогда возникает резонный вопрос, почему она не отдала Пушкину и второе послание его ближайшего друга или почему Пущин не упомянул об этом в своих воспоминаниях.

Вероятно, до узников эти стихи дошли значительно позднее, и, видимо, без имени автора. Так, Н.И. Лорер сообщал, что «стихи эти (“Послание в Сибирь”) были присланы Александром Сергеевичем Пушкиным в 1827 г. Александре Григорьевне Муравьевой, урожденной графине Чернышевой в Сибирь (тайно) чрез неизвестного купца»¹⁶. С этими словами вполне согласуется запись С.А. Соболевского, в чьем доме стихи Пушкина были написаны. В тетради Бартенева рядом с текстом стихотворения он отметил: «При посылке Цыган и 2-ой песни Онегина ссыльным»¹⁷. «Цыганы» вышли из печати в начале мая 1827 г.¹⁸ Отосланы были, очевидно, позже и, кажется, дошли до Сибири в начале августа 1827 г. 12 августа помечено письмо Муравьевой к В.Ф. Вяземской, в котором речь идет, видимо, о получении «Цыган» и, в подтексте, возможно, о списке стихотворения «Во глубине...». При этом адрес на конверте Пушкин написал собственноручно. «Я с радостью узнала Ваш почерк так же, как и почерк нашего великого поэта на конверте, в котором Вы переслали мне книгу» — сообщала Муравьева [2, с. 17].

Таким образом, мы видим, что Пушкин не торопился знакомить с крамольными стихами даже людей, к которым они были обращены, и всячески старался не афишировать свое авторство. Он, видимо, избегал не только пересылки автографа, но, кажется, не хотел сам отдавать уезжавшим дамам опасные стихи. Поэтому «Во глубине...» дошло до адресатов гораздо позже и с какой-то непонятной оказией. Из этого следует, что рассказы о получении и чтении сибирского послания декабристами никак не влияют на определение даты создания этих стихов. И это никак не опровергает

¹⁵ Некоторые замечания автора переключаются с основными тезисами настоящей заметки. Совпадения случайны: я познакомился с книгой Чернова, когда предлагаемый вниманию читателя текст был уже написан. Может быть, совпадения в наших наблюдениях подтверждают их истинность.

¹⁶ Цит. по: *Азадовский М.К.* «Во глубине сибирских руд...» (новые материалы) // *Азадовский М.К.* Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. С. 445. со ссылкой на: *Нечкина М.В.* О Пушкине, декабристах и их общих друзьях // Каторга и ссылка. 1930. Кн. 4 (65). С. 25.

¹⁷ Из пушкинианы П.И. Бартенева / под общ. ред. М. Цявловского // *Летописи государственного литературного музея.* М.: Гослитмузей, 1936. Кн. 1. С. 539.

¹⁸ См.: *Смирнов-Сокольский Н.П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. С. 137.

нашего предположения, что они были написаны в одно время со «Стансами», а содержание их, как мы увидим, подтверждает эту датировку. По всей вероятности, наиболее достоверными являются слова Соболевского, который писал: «...я твердо помню, что когда Пушкин мне эти стихи читал (а они сочинены им у меня в доме), то это было иначе. П<ушкин> тогда слишком был благодарен Государю за оказанные им милости, чтобы мысль такая могла ему придти в голову»¹⁹. В доме Соболевского, в Москве, Пушкин жил с 19 декабря 1826 до 19 мая 1827 г.²⁰ Тогда же, 22 декабря, были написаны и «Стансы»²¹, а слова Соболевского о чувствах Пушкина после встречи с Николаем подтверждают идеологическую близость этих текстов.

После публикации в России (лишь в 1876 г.) этих стихов мнения исследователей об их политическом содержании резко разделились. И споры продолжают и по сию пору. Так, одна из работ 1993 г. выразительно называется: «“Послание в Сибирь” А.С. Пушкина — два противоположных прочтения»²². Скажем об этих «противоположных прочтениях» несколько слов.

Еще в начале прошлого века, в 1912 г., известный пушкинист Н.О. Лернер писал: «Поэт обещает декабристам только амнистию и восстановление в правах, а не осуществление их заветного политического идеала... <...> Как вдохновенное излияние дружбы и гуманности, стихотворение глубоко трогает и не могло не тронуть сердца пораженных бойцов, но, конечно, не удовлетворило их своей политической стороной. Одоевский показал это Пушкину»²³.

В советское время, естественно, получила самое широкое распространение противоположная точка зрения: стихи Пушкина — революционны, выражают его верность декабристским идеям и проч. Так, Б.С. Мейлах писал, что в стихах Пушкина мы видим «стойкость, мужество, сопротивление... <...> где он говорит о том, что “скорбный труд” и “дум высокое стремленье” декабристов не

¹⁹ Из пушкинианы П.И. Баргенева / под общ. ред. М. Цявловского // Летописи государственного литературного музея. М.: Гослитмузей, 1936. Кн. 1. С. 539.

²⁰ См.: [5, т. 2, с. 215]. См. также: *Алексеев М.П.* К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд» // *Алексеев М.П.* Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 442–443.

²¹ В автографе первого варианта помета: 22 декабря 1826 год. у Зуб<кова>. См.: [5, т. 2, с. 218].

²² *Мороховский А.Н.* «Послание в Сибирь» А. Пушкина — два противоположных прочтения // Язык и культура: Вторая международная конференция. Доклады. Киев: Украинский ин-т международных отношений, 1993. С. 169–174.

²³ Библиотека великих писателей. Пушкин / под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауз-Ефрон, 1910. Т. IV. С. XXIII.

пропадут, что их идеалы станут действительностью. <...> Здесь выражены те же идеи, те же надежды, что и в стихотворении “К Чаадаеву” (“Любви, надежды, тихой славы...”). Речь идет вовсе не об амнистии, не о помиловании, а о том, что “темницы рухнут” и борцы обретут вновь свое оружие (“меч”)) [8, с. 375–376].

Споры об истинном содержании стихов, однако, продолжались. И в 1984 г. в журнале «Вопросы литературы» появилась статья В. Непомнящего «Судьба одного стихотворения», в которой он отрицал «революционность» пушкинских стихов. Редакция журнала в следующем году организовала по этому вопросу многословную и вялую дискуссию (60 страниц!)²⁴. В ней приняли участие Б. Бялик, критиковавший Непомнящего с ортодоксальных позиций, сам В. Непомнящий, достаточно остроумно и язвительно ответивший своему противнику, и Г. Макогоненко. Последний считал, что в двух стихотворениях, «Стансах» и «Во глубине ...», речь идет о разных проблемах: как Николаю следует управлять страной — в первом, и историческая оценка декабристского движения — во втором. Он призывал больше доверять тексту, а не вносить в него свои субъективные воззрения.

Не прошло и пяти лет, как за революционное сознание Пушкина, «опять перешедшего после 1834 года в оппозицию к правительству» [12, с. 184], заступился С.А. Фомичев, считающий, что «возможность их (двух разбираемых стихотворений. — М.А.) одновременного возникновения <...> кажется невероятной» [12, с. 185]. Поэтому исследователь предполагает, что «Во глубине...» написано в 1830-е гг., возможно, после 1834 г., и является ответом на стихотворение Одоевского²⁵ [12, с. 185].

Вместо того, чтобы разбирать (и опровергать) эту гипотезу, последуем совету Георгия Пантелеевича Макогоненко и «обратимся к пушкинскому поэтическому тексту»²⁶. Итак, как мы предполагаем, в декабре 1826 г. Пушкин пишет исполненные любви и сочувствия к узникам неподцензурные, крамольные стихи. Во второй строке он просит друзей: «Храните гордое терпенье» [10, т. 3, кн. 1, с. 49]. И далее объясняет, почему нужно, до времени, потерпеть (эпитет

²⁴ См. *Непомнящий В.* Судьба одного стихотворения // Вопросы литературы. 1984. № 6. С. 144–181.

²⁵ См. также: *Фомичев С.А.* О стихотворении Пушкина «Во глубине сибирских руд...» // Русская литература. 1989. № 2. С. 183–186.

²⁶ См. *Макогоненко Г.П.* Обратимся к пушкинскому поэтическому тексту // Вопросы литературы. 1985. № 7. С. 160–175.

«гордое» — естественная дань достоинству, самосознанию, гордости друзей):

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление [10, т. 3, кн. 1, с. 49].

Это самые важные строки стихотворения. Пушкин обращается к самой важной для него «долгоруковской» составляющей декабристского движения. Понятно, почему труд людей, томящихся в «каторжных норах», — скорбный. Но для поэта более существенно, что он не пропадет: освобожденные друзья вольются в активную реформаторскую деятельность. Можно представить, какие радужные картины возникали в поэтическом сознании Пушкина, как мечтал он о совместной плодотворной деятельности вместе с товарищами, помогающей царю в его реформах, устраняющей пороки предшествующего правления. Можно предположить, что, вопреки мнению Лернера, Пушкин в своей недолгой эйфории изображал утопическую картину соединения с друзьями для совместной работы в создании новой реформированной России.

Следующие строфы обрисовывают «практическое» воплощение этой мечты. *Надежда* поможет дождаться *желанной поры*, *любовь и дружество* и *свободный глас* дойдут сквозь *мрачные затворы* и наступит желанное освобождение:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут [10, т. 3, кн. 1, с. 49].

По мнению тех, кто придерживается радикальной точки зрения по поводу содержания стихотворения, поэт рисует некую будущую победу, приход свободы, достигнутой, видимо, вооруженной борьбой, «мечами», каковое оружие и будет вручено узникам освободителями. Особенно значимым здесь становится слово *меч* — символ революционной борьбы, овеянное к тому же ореолом воинственной славянской древности.

Соболевский, переписавший эти стихи для Бартенева, выскоблив слово *меч*, очевидно, как было сказано выше, связывал стихи Пушкина с недавно состоявшейся встречей с царем, а также был против революционной интерпретации этих стихов, возникшей из-за слова *меч*, поэтому ему вспоминалось какое-то другое слово,

кажется, ошибочно: во всех списках стоит — *меч*. Он, очевидно, отрицал революционные коннотации, вкладываемые в пушкинский текст и особенно связываемые с этим словом. И, думается, был прав. *Меч* здесь — личное оружие дворянина, символ воинской дворянской части. Шпаги были сломаны над головами осужденных декабристов (и Чернышевского — позднее) как знак лишения дворянского достоинства.

В патетическом высоком стиле стихотворения не могло появиться слово *шпага*. Для того времени оно звучало достаточно прозаически, как некий обязательный атрибут офицерской военной формы. У Пушкина слово *шпага* встречается 34 раза в прозе и только один раз — в стихе. *Меч* — 133 <!> раза, и ни разу в прозе.

Так, один из его героев пишет: «Мы являлись на балы, не снимая шпаг — нам было неприлично танцевать...»²⁷ [10, т. 8, кн. 2, с. 55]. Сравним, как естественно звучит это слово в «Капитанской дочке» в устах простоватой Василисы Егоровны: «Петр Андреич! Александр Иваныч! Подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан» [10, т. 8, кн. 2, с. 304] (ритмически, но не стилистически, *шпага* легко могла бы войти в стих, например: Вам шпаги братья подадут). В то же время *меч* свободно употреблялся в стихах как неперемный атрибут человека высшего сословия:

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу [10, т. 3, кн. 1, с. 239].

И там же, чуть выше, как синоним *меча*²⁸ употреблено (кажется, единственный раз у Пушкина в стихотворном тексте) слово *шпага*:

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном [10, т. 3, кн. 1, с. 239].

²⁷ Ю.М. Лотман комментирует эту фразу так: «офицер, намеревавшийся танцевать, отстегивал шпагу и отдавал ее швейцару еще до того, как входил в балльную залу» (цит. по: [6, с. 367]).

²⁸ Ср. позднее (1860) у А.К. Толстого в знаменитой серенаде Дон Жуана: «От Севильи, до Гренады / В тихом сумраке ночей / Раздаются серенады, / Раздается звон мечей» (Толстой А.К. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. Л.: Сов. писатель, 1984. Т. 2: Стихотворные драмы. С. 462).

Таким образом, можно полагать, что последняя очень важная и очень значимая строка подчеркивает и подытоживает основную мысль поэта: узники не только будут помилованы — им будут возвращены все права и они вернутся к активной общественной деятельности.

Естественно, что утопические мечты, оптимистические надежды Пушкина сибирскими узниками не были поняты. Сибирские узники не разделяли чаяния Пушкина на возвращение им свободы. Они увидели в стихах только ни на чем не основанную и в чем-то унижительную для их гордого, все еще революционного самосознания надежду на царскую милость. Такое понимание вызвало знаменитую отповедь А.И. Одоевского, которая почему-то до сих пор воспринимается некоторыми как торжественный обмен двух единомышленников прекрасными стихами.

Одоевский, конечно, любил Пушкина и восхищался его стихами, но после первой строчки («Струн вещей пламенные звуки») начинается очевидная и принципиальная полемика с позицией поэта, как понимает ее декабрист. Он возражает буквально на каждую мысль пушкинского текста.

Пушкин говорит: <пока> «Храните гордое терпенье». Одоевский отвечает утверждением внутренней независимости, гордости, пребрежением власти и насмешкой над ней:

<...> цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями [9, с. 66].

Пушкин надеется, что дарования узников, их образование, светлый ум, патриотизм помогут реформам, послужат обновлению России: труд, размышления (думы) не пропадут. Одоевский отвечает: да, не пропадут (для будущего):

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ сберется
Под святое знамя [9, с. 66].

Т. е. подразумевается восстание (в будущем, не ясно, далеко или близко) народа, ставшего просвещенным, который объединится под знаменем свободы. Не нужно напоминать, какую зловещую

роль сыграла ставшая лозунгом строка об искре и пламени в идеологической подготовке самой страшной в истории России катастрофы.

И, наконец, мы подходим к важнейшей лексеме пушкинского текста, к слову *меч*, о котором мы подробно говорили чуть ранее. У Одоевского *меч* становится отнюдь не символом чести и достоинства личности, а оружием борьбы, освященным, если читать «православный народ», воспоминанием о славянской воинственной древности. *Меч* возникает уже в первой строфе:

К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели [9, с. 66].

И обретает свою окончательную значимость в последней. Эта строфа изобилует революционными словами-сигналами, и на первом месте стоит *меч*, потом идут: *пламя*, *свобода*. Именно *мечом* будет осуществлена грядущая революция, наступит царство «свободы» и благоденствие народов (очевидно, подразумевается народов России):

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы:
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы²⁹ [9, с. 66].

Упования и надежды, высказанные в двух разбираемых стихотворениях столь оптимистично, у каждого автора по-своему, оказались тщетными. Царь Николай, в отличие от «пращура» Петра и своего старшего брата, не стал реформатором. Декабристы не были прощены и не вернулись к общественной жизни. Хорошо известно и то, чем обернулись, спустя почти столетие, надежды Одоевского на свободу и благоденствие народов России в результате вооруженной борьбы.

²⁹ Представляется очень интересной гипотеза А. Чернова (см.: [13, с. 65]), что «Арион» (16 июля, 1827, см.: [5, с. 284]) является ответом Одоевскому. Это предположение хорошо объясняет строку: «А я, беспечной веры полон, // Пловцам я пел...» — как обращенное к человеку, входившему в тот круг, в котором создавались знаменитые вольнолюбивые пушкинские тексты. А строка: «Я гимны прежние пою», — вызывающая по сию пору столько спекуляций по поводу верности поэта революционным идеям ранней юности, находит объяснение в сибирском послании, в котором Пушкин говорит о ценности, необходимости для России многих размышлений, идей декабристов.

Литература

1. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. В.Э. Вацуро и др. М.: Худож. лит., 1985. 543 с.
2. *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь «умственные плотины». М.: Книга, 1986. 385 с.
3. *Высочков П.В.* Император Николай 1. Человек и государь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 644 с.
4. *Гордин Я.* Мятёж реформаторов. Когда решалась судьба России. СПб.: Амфора, 2015. 607 с.
5. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. М.: Слово/Slovo, 1999. Т. 2: 1825–1828. 542 с.
6. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 1994. 399 с.
7. *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 848 с.
8. *Мейлах Б.С.* Пушкин и его эпоха. М.: Худож. лит., 1958. 707 с.
9. *Одоевский А.И.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958. 212 с.
10. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994–1999.
11. *Пушкин И.И.* Записки о Пушкине. Письма. М.: Правда, 1989. 576 с.
12. *Фомичев С.А.* Служенье муз. О лирике Пушкина. СПб.: Академический проект, 2001. 256 с.
13. *Чернов А.Ю.* Длятся ночи декабря. Поэтическая тайнопись: Пушкин — Рылеев — Лермонтов. СПб.; М.: Летний сад, 2007. 304 с.
14. *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование: СПб.: А.С. Суворин, 1903. Т. 2. 820 с.
15. *Эйдельман Н.Я.* Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837. М.: Худож. лит., 1987. 462 с.

Research Article

Pushkin's Dilogy: “Stanzas” (1826) and “In the Depths of Siberian Mines” (1826<?>)

© 2024. Mark G. Altshuller
University of Pittsburgh,
Pittsburgh, USA

Abstract: The author believes that the poem “In the Depths of Siberian Mines” was written at the same time, or nearly simultaneously, as the “Stanzas” — in December 1826. Both poems arose as a result of a lengthy conversation with the Tsar on September 8, 1826. The author consistently provides a number of sources (memoirs of Volkonskaya, Pushchin, Bartenev, etc.), which allows us to make some assumptions about the dating of these poems. We surmise that the main idea of “In the Depths...” is a firm hope not only for the liberation of the Decembrists but also for the return of their civil rights and involvement in social and state activities. Most

Decembrists did not understand or accept this idea. A.I. Odoevsky's poem, written in response to Pushkin, is a coherent polemic against Pushkin's verse. Considering the functioning of the "sword" lexeme and its semantic realization in the lyrical works of poets, the author vividly demonstrates the different views on the future of Russia. If Pushkin's sword is a symbol of noble honor, then for Odoevsky, it is a striking weapon capable of leading the people to the kingdom of freedom. In addition, after the publication of the "Message to Siberia," a whole discussion unfolded about the political content of the text. Some researchers held the point of view, especially popular in Soviet times, that Pushkin's poems have revolutionary rhetoric (it was popular in Soviet times). Others took a less radical position and believed that the poet was talking about freeing comrades and restoring their rights.

Keywords: Alexander Pushkin, Alexander Odoevsky, "Stanzas," "In the Depths of Siberian Mines," dating of works.

Information about the author: Mark G. Altshuller, PhD in Philology, Professor Emeritus, University of Pittsburgh, 4200 Fifth Ave., PA 15260 Pittsburgh, USA.

E-mail: altshul@pitt.edu

For citation: Altshuller, M.G. "Pushkin's Dilogy: 'Stanzas' (1826) and 'In the Depths of Siberian Mines' (1826<?>)." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (34), 2024, pp. 77–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-77-92>

References

1. Vatsuro, V.E., et al., editors. *A.S. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t. [Pushkin in the Memories of Contemporaries: in 2 vols.]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985. 543 p. (In Russ.)
2. Vatsuro, V.E., and M.I. Gillel'son. *Skvoz' "umstvennye plotiny" [Through "Mental Dams"]*. Moscow, Kniga Publ., 1986. 385 p. (In Russ.)
3. Vyskochkov, P.V. *Imperator Nikolai I. Chelovek i gosudar' [Emperor Nicholas I. The Man and the Sovereign]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2001. 644 p. (In Russ.)
4. Gordin, Ia. *Miatezh reformatorov. Kogda reshalas' sud'ba Rossii [Revolt of Reformers. When Russia's Fate Was Being Decided]*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2015. 607 p. (In Russ.)
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: v 4 t. [Chronicle of Alexander Pushkin's Life and Work of: in 4 vols.]*, vol. 2: 1825–1828 [1825–1828]. Moscow, Slovo Publ., 1999. 542 p. (In Russ.)
6. Lotman, Iu.M. *Besedy o russkoi kul'ture [Conversations on Russian Culture]*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1994. 399 p. (In Russ.)
7. Lotman, Iu.M. *Pushkin [Pushkin]*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1995. 848 p. (In Russ.)
8. Meilakh, B.S. *Pushkin i ego epokha [Pushkin and His Era]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1958. 707 p. (In Russ.)
9. Odoevskii, A.I. *Stikhotvoreniia [Poems]*. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1958. 212 p. (In Russ.)
10. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t. [Complete Works: in 17 vols.]*. Moscow, Voskresen'e Publ., 1994–1999. (In Russ.)

11. Pushchin, I.I. *Zapiski o Pushkine. Pis'ma* [Notes About Pushkin. Letters]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 576 p. (In Russ.)
12. Fomichev, S.A. *Sluzhen'e muz. O lirike Pushkina* [Muse's Serving. About Puskin's Lyrics]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 256 p. (In Russ.)
13. Chernov, A.Iu. *Dliatsia nochi dekabria. Poeticheskaia tainopis': Pushkin — Ryleev — Lermontov* [Lasting Nights of December. The Poetic Cryptography: Puskin — Ryleev — Lermontov]. St. Petersburg, Moscow, Letnii sad Publ., 2007. 304 p. (In Russ.)
14. Shil'der, N.K. *Imperator Nikolai Pervyi, ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I, His Life and Reign], vol. 2. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1903. 820 p. (In Russ.)
15. Eidel'man, N.Ia. *Pushkin. Iz biografii i tvorchestva. 1826–1837* [Pushkin. From His Biography and Works. 1826–1837]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987. 462 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 14.01.2024
Одобрена после рецензирования: 07.07.2024
Дата публикации: 25.12.2024

The article was submitted: 14.01.2024
Approved after reviewing: 07.07.2024
Date of publication: 25.12.2024